

ЕГО ПОСЛЕДНИЙ РОМАН

Каждые пять или шесть лет Генри Квентин Марстон приезжал в Нью-Йорк. Он любил Нью-Йорк по той очень простой причине, что ни души там не знал. В своем родном городе он знал всех и каждого, от мэра, который постоянно просил его поработать то в одной, то в другой комиссии, до мусорщика, который надеялся получить от него окорок на рождество, ибо мистер Марстон был человек богатый, добрый христианин и чуть ли не первое лицо в городе.

В Терр-Хоте его добродетели признавались без оговорок. В результате он не был хозяином своего времени. Все благотворительные клубы и всякие организации, связанные с церковью, постоянно обращались к нему. Кроме того, у него было много работы в фирме, что отнимало массу времени. Он был человек деловой.

Мистер Марстон занимался недвижимостью, фуражом, зерном, яблоками и многими другими отраслями коммерции, связанными с почвой Индианы. Он был членом правления двух или трех банков. Его контора занимала целый этаж в деловом центре города, с отделениями в Индианаполисе и Тэри. Однако мистер Марстон предпочитал маленький городок Терр-Хот, где он прожил всю свою жизнь, вопреки честолюбию жены и дочерей, которых всегда тянуло уехать в другое место, ну хотя бы в Чикаго.

В пятьдесят лет, толстый, добродушный и самоуверенный, он был женат три раза, но уже успел похоронить двух жен. Третья жена, однако, вовсе не собиралась помирать; когда-то она состояла председательницей Объединенного женского клуба и много работала в Обществе трезвости и в церковном совете. Это была крупная дама в очках, она вела дом мистера Марстона твердой рукой и с большим достоинством, заботясь о родных дочерях и падчерицах в равной степени деловито и умело.

Мистер Марстон не мог пожаловаться на свою семейную жизнь, ибо она была безупречной, являя образец для всех семей в городе и пример христианской добродетели. Однако каждые два-три года мистера Марстона тянуло вон из города! Этой весной его жена отправилась в Калифорнию на какой-то очень важный конгресс женских клубов в Пасадене. Она уехала три недели назад. Не успела она выехать, как мистер Марстон полетел в Нью-Йорк. Давно уже его провинциальный нос не нюхал запахов Бродвея.

Мистер Марстон рвался на Бродвей, как жеребенок на зеленую травку. Он нашел, что там стало еще веселее и оживленнее и по-прежнему находилось сколько угодно значных мест для провинциальных простаков. Когда мистер Марстон сорил деньгами в городе, где не знал ни души, он нисколько не боялся, что его примут за простака. Дома, в Индиане, такого рода поведение сочли бы неподобающим для христианина, но в Нью-Йорке никому до него не было дела, ни на кого оно не производило впечатления; и к тому же никто у него не кланчил денег на благотворительные дела, не требовалось работать в комитетах, и миссионеры не приставали к нему, чтобы он молился за язычников и жертвовал на них. Бродвей вообще не занимался спасением душ — эта улица сама себе довлекла.

В Нью-Йорке мистер Марстон выпивал, обедал, танцевал и играл в карты — так прошло две недели из трех. Он побывал в Латинском квартале и в Пепперминт-Лаундж. Он встречался с женщинами, но не в своем отеле, и ни одной из них не назвался своим настоящим именем. О, он отлично провел время, живя инкогнито в городе, где ни души не знал.

Вообразите же его удивление, когда в одно прекрасное утро, как раз на углу Сорок седьмой авеню и Бродвея, где огни горят ярче полуденного солнца, нежный женский голос окликнул его по имени:

— Здравствуйте, Генри Марстон!

Мистер Марстон подивился: «Кто бы это мог быть?» Двинулся было дальше, но любопытство пересилило, и он обернулся. На самом углу стояла элегантно одетая молодая или, скорее, моложавая с виду женщина, высокая и спокойная.

— Здравствуйте, Генри!

— Гм... э-э... добрый вечер,— отвечал мистер Марстон, решив, что эта дама, может быть, снимает один из его домов в Индиане, а может быть, это незнакомая ему прихожанка, которая, конечно, знает в лицо своего церковного попечителя. Но все-таки эта женщина явно была жительницей Нью-Йорка, хотя в ней чувствовался слабый отзвук Среднего Запада. Мистер Марстон растерялся.

— Как поживаете, Генри? — фамильярно спросила она, протягивая ему руку в перчатке.— Столько лет мы с вами не виделись.

Ему стало легче — «столько лет». Но от ее руки шли такие флюиды, что мистер Марстон невольно выговорил:

— Очень рад, что мы с вами *наконец* встретились,— гадая в то же время, кто бы это мог быть.

— Много, много лет,— продолжала она.— Неужели ты не помнишь, Генри?

Может быть, она училась вместе с ним в школе? Или это дочь кого-нибудь из знакомых? Ее возраст трудно было определить. В конце концов мистеру Марстону пришлось спросить напрямик, где и когда они встречались.

— Генри, неужели ты вправду не помнишь? — спросила она, заглядывая ему в глаза и обдавая его волной приятнейших ароматов.

Ему очень совестно, но он не помнил. Может быть, он и вспомнит, если дать ему время. По-видимому, она решила, что следует дать ему время, так как предложила зайти к Линди выпить кофе и поболтать. Она была так очаровательна, что мистер Марстон согласился сделать этот шаг по дороге воспоминаний.

— Мне кажется, я вас знаю,— сказал он, ощущая что-то приятно знакомое от ее близости.

— И очень хорошо,— ответила дама.— Как же ты не помнишь?

— Мы встречались здесь, в Нью-Йорке? — спросил мистер Марстон, думая о тех временах, когда он еще не был богат и знаменит и приезжал в Манхэттен под своим собственным именем.

— О чет,— отвечала она,— там, дома, в Индиане.

— В Индиане?

— Да, в Индиане.

— Кто же вы? — спросил Марстон, не в силах выдержать более.

— Калли,— просто ответила женщина.

— Калли! — ахнул мистер Марстон.— Калли? — вскрикнул он, не сводя с нее глаз.

— Теперь уже Калиста,— сказала она.— Калиста Лоуэри.

— Калли Лоуэри!

— После стольких лет...— улыбнулась она.— Ты все еще не разлюбил меня?

На этот вопрос было трудно ответить — мистер Марстон и сам не знал, разлюбил он или не разлюбил: он мог только сидеть и смотреть на нее, и ее черты становились ему все более и более знакомы: слегка припудренное лицо, еще красивее прежнего, теперь женское, уже не девичье лицо, зато полное жизни и своеобразия, как и в те времена, а волосы стали совсем золотые, вдвое лучше прежних. Калли!

Подошел официант. Они заказали обед — ни тот, ни другая еще не обедали.

— Мы ждали этой встречи,— с улыбкой сказала Калиста.

Генри не хотелось есть, аппетит у него пропал от волнения. Но он все-таки ел, заставляя себя проглатывать пищу. Его слишком взволновала Калиста. Он отлично помнил тот последний раз, когда они виделись. И вдруг перед ним возникло лицо ее матери, лицо его матери; слезы и брань и весь этот ужасный день; и то, как нелегко было отцу выручить его из беды — после его первого «романа».

Там, дома в Индиане, много лет тому назад они вместе с Калистой учились в школе. Она жила на «той стороне» города и собиралась стать актрисой. Невероятная профессия по тем временам, неприличная и совершенно неподходящая для порядочной девушки, но романтическая и притягательная для девочки-школьницы и для мальчишки, который не так уж много видел актрис. Каждый раз, как странствующая группа или актеры местного театра давали спектакль, Генри сидел на галерке в здании Оперы; и Калли тоже бывала там, иной раз одна, иной раз вдвоем с матерью. Ей шел тогда

семнадцатый год — она была бедна, но честолюбива, и ее еще никто никогда не целовал.

Однажды вечером, встретив Калисту в театре одну, молодой Марстон проводил ее до дому — на «ту сторону» города, нереспектабельную сторону. Он поцеловал ее. Никогда он не переживал такого волнения — ни до этого, ни после. Воспоминание об этой минуте волновало его и теперь, когда он смотрел на Калисту, сидя за столиком у Линди.

Всю ту зиму, теперь уже давно прошедшую, когда еще не было ни радио, ни телевизоров, они встречались в кино или на галерке оперного театра, обычно по контрамаркам, и смотрели «Ист-Линн», «Хижину дяди Тома» или «Бастер Браун». Один раз они смотрели «Камиллу».

— Генри, моя мечта — побывать в Париже, — сказала Калли, и глаза у нее засияли как звезды.

Генри признался, что и ему тоже хотелось бы в Париж. После спектакля он проводил ее домой на «ту сторону» города — шел снег, а потом Генри возвращался один в родительский дом, в ту часть города, где жили «порядочные» люди.

Как-то весенним вечером Генри и Калли, возвращаясь домой, надолго задержались в парке. Так случилось еще несколько раз. И не успел Генри опомниться, как она объявила ему драматическим шепотом, подражая первой актрисе городского театра:

— Генри, милый, я беременна!

Это поразило молодого Марстона, который должен был вот-вот кончить школу первым учеником в классе. Поразило и его отца, когда он узнал эту новость. А его бедную мать уложило на две недели в постель.

— Эта Лоуэри, боже мой! Да ведь девчонка красится, пудрится и собирается в актрисы! Я думаю, она и курит тоже. И про ее семью никто ничего не знает.

С великим трудом они вытянули Генри из этой передраги. Были слезы, сцены — пришлось даже деньги заплатить ее мамаше, похожей на цыганку. Потом Калли с ее матушкой уехали в Чикаго. Больше он о них ничего не слышал. Это было давным-давно, действительно очень давно.

Запах старого оперного театра и ее волос вспомнился ему в эту минуту, когда он сидел за столиком у Линди и снова смотрел на Калисту. Интересно, так же ли, как прежде, пахнут ее волосы (теперь золотистые) и какой вкус у ее губ? Она замечательно сохранилась, даже похорошела, стала очень изящна и элегантна, и одевалась по самой последней нью-йоркской моде (хотя ей должно быть далеко за сорок). Невольно Генри сравнил ее с тремя здравомыслящими и внушительными провинциалками, на которых он был по очереди женат и с которыми прожил всю жизнь.

— Удалось тебе стать актрисой? — спросил он.

— Неужели ты никогда не слыхал про Калисту Лоуэри? — ответила она насмешливо.

— Я слыхал про Калли, — неудачно пошутил он. Оба они рассмеялись.

— Я актриса, но не очень знаменитая, — сказала она. — То есть не на первых ролях. Я играла эпизодические роли, раза два выступала и на Бродвее, но все это пустяки. Самое главное в моей жизни — это ты, Генри.

— Хотелось бы мне, чтобы так оно и было, — сказал мистер Марстон.

— А мне хотелось бы, чтобы все осталось по-старому, — ответила она. — Помнишь Оперу?

— Еще бы не помнить, — сказал мистер Марстон, — и парк тоже. — Тут он наклонился к ней через стол. — Калли, а был ли у нас... был ли у нас ребенок?

— Разве ты не помнишь? — ответила Калли. — Твой папа нам не позволил.

Бродвей, потоки света, непонятная музыка, и что-то хрупкое, милое рождается и тут же умирает. Жесткие лица, нежные сердца. Странное место. Джаз рыдает, оплакивая чьи-то безумные увлечения. Мечты и фантазии.

— Калли, — сказал мистер Марстон, — давай погуляем в парке, как тогда.

За последнюю неделю, которую ему оставалось прожить в Манхэттэне, мистер Марстон открыл, что своим цветом лица Калиста обязана модному институту красоты; что ее волосы пахнут шампунем из французской парикмахерской; что ее губы нама-

заны земляничного цвета помадой, но мягкость и нежность их оставались прежними — все теми же, как много лет назад, в родной Индиане.

Мистер Марстон никогда еще не проводил такой веселой недели в Нью-Йорке, никогда в жизни у него не было такой недели, как эта последняя неделя в Манхэттэне. Молодость и любовь снова вернулись к нему вместе с Калистой. Они даже пошли вдвоем в театр и сидели там на галерке, так же как в былые дни. Хотя пьеса была ничуть не похожа на старые мелодрамы, которые им так нравились когда-то, они были всецело поглощены друг другом и даже не заметили, что делается на сцене.

Потом мистеру Марстону надо было возвращаться домой. Его время истекло.

И вот он решил, что это было просто интерлюдией, или, лучше сказать, финалом, потому что мистер Марстон, разумеется, не мог себе ничего такого позволить — он был женат, имел пятерых детей, являлся столпом церкви и одним из первых людей на Западе. Нет, все это должно кончиться, как только он сядет в поезд.

Калли-Калиста согласилась. Но, расставаясь с толстым и седым Генри, она вела себя так, будто сердце у нее разрывалось. Даже две слезы скатились по ее щекам, покрытым лучшего сорта гримом. Разлучаться было почти так же тяжело, как и в первый раз, много лет тому назад. Но как только Генри сел в вагон и колеса начали отсчитывать милю за милей, унося поезд вперед, к Индиане, он стал понемногу забывать Калли — Калисту Лоузери — и вспоминать о своей жене. В это воскресенье к обеду у них, верно, будут цыплята. Соберутся, должно быть, все дети. И вся семья будет радоваться, что он опять дома, живой и здоровый.

Жаль, конечно, что бедняжка Калли так и не стала знаменитой актрисой. Но она по крайней мере стала блестящей Калистой Лоузери из Нью-Йорка, хорошо одетой и красивой, вопреки возрасту, и это все-таки хоть отчасти соответствует тем стремлениям, которые зародились у нее когда-то на галерке старого оперного театра в Индиане. Красивая, а все так же недалека, бедняжка. Ну, положим, женился бы он на ней в молодости, не посмотрел бы на родителей? Да нет, где уж там! Разве она справилась бы с его хозяйством так, как справлялись эти три внушительные дамы, на которых он был женат? Да и он сам тогда вряд ли преуспел бы, думал мистер Марстон. Слишком Калиста обольстительна, что-то в ней есть такое. Да и всегда было. Мужчину это отвлекает от дела.

Он приехал в Терр-Хот утром, как раз вовремя, чтобы встретить миссис Марстон, которая возвращалась из Чикаго с дневным поездом. И жизнь Генри потекла снова, спокойная и размеренная, именно такая, какая выпадает на долю пожилому дельцу в маленьком городе.

Но вот как-то днем, недели через две, когда мистер Марстон сидел в своей конторе и начинал уже подумывать насчет партии в гольф, зазвонил телефон.

— Вас вызывает Нью-Йорк, мистер Марстон,— сказала его секретарша.— Лично вас. Вы подойдете?

Он взял трубку и приложил ее к уху.

— У телефона Генри Квентин Марстон.

— Здравствуй! — В трубке зазвучал нежный женский голос.— Генри, милый, это Калли. Я опять беременна.

— Господи боже! — воскликнул мистер Марстон.— Боже ты мой! Чего... чего тебе надо? — спросил пожилой мужчина, сидя за письменным столом в Индиане, и перед его глазами заплясали и поплыли его жена, его дети, его дом, его церковь.

— Денег, милый,— сказала Калли.

— Денег? — Пот выступил у него на лбу.— А... а сколько же денег?

— Прошлый раз было уж очень мало,— ответила Калиста.— Помнишь? Едва хватило нам с мамой добраться до Чикаго. На этот раз я желаю поехать в Париж. Я еще никогда не была за границей, а Париж — это моя мечта. Генри, наш ребенок, может быть, родится в Париже!

— Двух тысяч хватит? — наивно спросил мистер Марстон, которому, естественно, не с кем было посоветоваться.

— Если умножить на десять, то, может, и хватит,— отвечала Калиста.

— О-ох-х-х! — простонал мистер Марстон.— Калли! Калиста! Калли!

— У меня нет больше матери, и за меня некому заступиться,— грустно пропел

женский голос на том конце провода.— У меня теперь есть только старики адвокаты, Генри.

— Не надо,— взмолился Генри, весь дрожа,— погоди одну минутку.

— Постараюсь подождать одну минутку,— сказала Калиста.

— Я... э-э... ты получишь эти деньги,— простонал он,— я вышлю тебе почтовый перевод на этой неделе.

— Лучше моим адвокатам,— сказал пленительный голос,— пускай уж все будет по закону.

Она продиктовала ему адрес.

— Хорошо,— прохрипел мистер Марстон.— Ладно. Будет сделано.

— Может быть, ты приедешь в Европу? — промурлыкал нежный голос в его ухо.

— Может быть,— задыхаясь выговорил мистер Марстон,— но только я очень занят.

— Тогда прощай, Генри,— деликатно сказала женщина в трубку.— Извини, милый, что я тебя этим беспокою.

Мистер Марстон, едва собравшись с силами, встал со стула, вытер потную шею, позвонил, чтобы ему принесли стакан воды, и занялся переводом двадцати тысяч долларов на имя некой Калисты Лоуэри в Нью-Йорк.

Неделей позже Калли улетала в Париж на реактивном самолете первым классом,— только что причесанная, с заново сделанным лицом, с орхидеей в вырезе платья и торжествующей улыбкой на губах,— в Париж, город ее мечтаний.

— «Я беременна» — лучше этой реплики у меня еще не бывало,— говорила она себе.— Я сама ее сочинила — *оба раза!* Я не только талантливая актриса, но и талантливый драматург. А Генри просто глуп для роли первого любовника! Ему и в голову не пришло, что я мулатка.

Перевод с английского Н. ДАРУЗЕС

Равенство возможностей

Рис. КЛОДА (США)

